

тянуться долго.

Наступивший новый 1944-й год принес изменения.

Оберлейтенант Баденберг и мастер Фогль передали всю пожарную команду местному коменданту пану Грету. Он выдал нам талоны на разовое питание в столовой и расселил нас по квартирам в пустующие дома. Немцы, доложив в местную полицию о нас, харьковских пожарниках, чтобы те не спутали с „бандеровцами”, против которых устраивались облавы, сами отбыли на фронт. Поголодав несколько дней, я нашел работу в какой-то немецкой слесарной мастерской слесарем, где кормили, и тут же получил задание запаивать литровые жестяные банки, в которые немцы наливали растопленный свиной смалец через маленькую дырочку в крышке. Эти дырочки я и запаивал. Банки немцы отправляли домой, в Германию. В мастерской работало человек 30 немцев и шестеро русских из военнопленных.

Жил я в проходной комнатке, точнее коридорчике, на втором этаже дома, а в комнате жила семья муж, жена с маленьким ребенком и старухой матерью: артисты театра из г. Винницы. Это был деревянный двухэтажный домик в центре городка; на первом этаже была столовая, где я обедал по талонам. В глубине зала сидел парень с ярко-красным баяном и играл украинские мелодии.

Я подсел к нему, познакомились. Я рассказал ему о себе, о том, что тоже играл когда-то, до ранения в руку. Сейчас не смогу. Подружились. Звали его Сергей Грушенко. Он тоже был из Винницкого театра. Рассказал, что группа артистов театра, он в их числе, клюнули на обещание главного режиссера, посутившего им безбедное существование на пару месяцев, «пока фронт стабилизируется», здесь в Яворове.

Артисты репетируют и ставят в местном небольшом театре украинские пьесы, и имеют успех, а он, Сергей, обеспечивает музыкальное сопровождение. Там удалось